объяснимой специфическая публицистическая окраска этих ведущих жанров классицизма в России. В русской драматургии классицизма XVIII в. вообще возникла парадоксальная ситуация: трагедии Сумарокова и его учеников имели в большинстве своем счастливые развязки, зато коллизии комедий, например у Фонвизина и Капниста, приобретали гротесково-трагедийные черты. В названных жанрах классицизма просветительский пафос в осмыслении природы драматических конфликтов помогает понять такое положение.

Таким образом, утверждение идеалов обновленной государственности в ее сословном (как это было у Сумарокова) или общенациональном (как у Ломоносова) истолковании и составляло идейно-содержательную основу литературы русского классицизма XVIII в., традиции которого будут сохраняться вплоть до первых десятилетий XIX в. Но уже к концу 1780-х гг. начинает обнаруживаться исчерпанность эстетических возможностей этой художественной системы, неадекватность постулируемых ею принципов новым историческим потребностям. Классицизм уступает свое ведущее положение другой художественной системе; смена вкусов обозначила наступление нового периода в развитии историко-литературного процесса XVIII в.

III период, приходящийся на 1780—1800-е гг., отмечен утверждением в русской литературе сентиментализма и распространением сопутствующих ему преромантических веяний. Тенденции, определявшие художественные искания этого периода, останутся актуальными в течение первого полуторадесятилетия XIX в.

Крупнейшими представителями сентименталистского направления в русской литературе XVIII в. были М. Н. Муравьев и Н. М. Карамзин. Именно в их творчестве с наибольшей отчетливостью запечатлено изменение представлений о функции литературы и ценностной основе иерархии жанров. Свойственное классицизму утверждение идеальности государственно-политических интересов, отстаивание сословных добродетелей сменяется теперь осознанием ценности человеческой личности самой по себе. Этим объясняется абсолютизация у сентименталистов нравственного чувства как главного мерила человеческих поступков. Соответственно свойственная высоким жанрам классицизма масштабность мировосприятия уступает в новой системе место доверительной интимности сердечного излияния чувства. Для поэзии этого направления типично воспевание дружбы и тихих радостей любви на лоне природы, где царствуют гармония и естественность, давно утраченные в человеческом общежитии. Путь к достижению общественной гармонии видится при этом в совершенствовании внутреннего мира человека. Отсюда становится понятной та роль, какая в эстетике сентиментализма отводится исследованию тайников человеческой души. Не случайно в жанровой системе нового направления наибольшую художественную ценность приобретают формы субъективно-исповедального плана, дававшие простор для анализа внутреннего мира личности, — интимная лирика, где